

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-539-554

ДОГОНЯЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ: ОПЫТ СТРАН АСЕАН И РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Т.Ю. Шалденкова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Обращение к опыту догоняющего развития стран АСЕАН становится актуальным в условиях проведения Россией импортозамещения и «разворота на Восток» в геополитике. Цель данной работы — выявление перспектив отечественного догоняющего развития на основе анализа теоретических аспектов модели «летающих гусей» и их практического применения в странах АСЕАН и России.

В работе приведены теоретические основы догоняющего развития в рамках модели «летающих гусей» (МЛГ) в трудах К. Акамацу, Р. Вернона, К. Коджимы, описаны ее основные стадии. Рассмотрены меры промышленной, торговой, инвестиционной политики стран АСЕАН, применявшиеся на начальных ступенях реализации МЛГ и современные аспекты их экономического развития. На основе изучения опыта стран АСЕАН показана необходимость обширного государственного вмешательства в экономику, прежде всего в начале догоняющего развития. Использовались материалы МВФ, ЮНКТАД, АСЕАН, данные Федеральной службы государственной статистики России, Федеральной таможенной службы России, программы Правительства России в области импортозамещения.

Проанализированы достижения и проблемы российской политики импортозамещения в сфере сельского хозяйства, промышленности, IT-технологий. Сформулированы факторы, затрудняющие отечественное развитие в рамках МЛГ: низкая норма валового накопления, большой износ основных фондов, отток капитала из страны, недостаточная монетизация экономики, высокие ставки по кредитам, девальвация национальной валюты, изъяны в товарной и географической структуре внешней торговли.

Даны рекомендации по решению сложившихся проблем путем стимулирования совокупного спроса и развития высокотехнологичного экспорта. Привлечено внимание к возможностям применения отдельных элементов модели в условиях пространственной неоднородности и крупных масштабов экономики России. Затронуты возможности переноса экономической деятельности предыдущего цикла на менее развитые территориальные единицы, а также создания специальных экономических зон как территорий «локальной открытости» экономики на основе опыта стран АСЕАН.

Ключевые слова: догоняющее развитие, модель «летающих гусей», АСЕАН, импортозамещение, экономика России

Впечатляющие успехи догоняющего развития, достигнутые рядом участниц АСЕАН (Ассоциации стран Юго-Восточной Азии) за полвека ее существования послужили предметом многочисленных научных исследований [Terry 1996; Burkett, Hart-Landsberg 2000; Kojima 2000; Ozawa 2009; Kasahara 2013]. Модель «летающих гусей», разработанная японским экономистом Канаме Акамацу

в 30-е гг. XX в. и показывающая феномен «подхвата» индустриализации развивающимися странами, комплексно характеризует догоняющее развитие. Первоначально иллюстрировавшая взаимодействие развивающейся Японии с развитыми странами Запада, она оказалась весьма продуктивной для объяснения механизма экономического роста азиатских новых индустриальных стран (НИС) первой и второй волны во взаимодействии с более развитыми партнерами. Модель применяется и для анализа интеграционных процессов в других регионах, в том числе в Европе применительно к отношениям «центр — периферия» в рамках расширенного ЕС [Шалденкова 2007].

Точное следование азиатской модели представляется маловероятным для России. Различаются хронологические рамки и стартовые условия догоняющего развития [Троекурова 2004], масштабы экономик стран АСЕАН и России [Воронцовский, Ефимова 2016], накладывают отпечаток и современные геополитические условия.

С другой стороны, курс на импортозамещение, а также «разворот на Восток», заставляют по-новому взглянуть на современное экономическое развитие России. Поскольку политика импортозамещения является разновидностью догоняющего развития, обращение к опыту стран АСЕАН в рамках МЛГ представляется оправданным с целью выявления параметров, обеспечивающих переход к более развитым моделям внешнеэкономического взаимодействия и повышению уровня экономического развития. В то же время усиление азиатского вектора в геополитике, в том числе в рамках евразийского партнерства¹, которое подразумевает сотрудничество между ЕАЭС, Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС), Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), также является основанием для поиска общих направлений развития.

Цель работы — выявление перспектив отечественного догоняющего развития на основе анализа теоретических аспектов модели «летающих гусей» и их практического применения в странах АСЕАН и России.

В основе проведения исследования лежат методы анализа и синтеза, дедукции, моделирования, построения аналогий. В качестве материалов были использованы статистические отчеты международных экономических организаций — World Economic Outlook, World Investment Report, а также региональные отчеты АСЕАН — ASEAN Community in Figures, ASEAN Yearbook on International Merchandise Trade in Goods, статистические данные Федеральной службы государственной статистики России, программы Правительства России в области импортозамещения.

Структурно статья поделена на 3 блока: в первом приведены теоретические основы догоняющего развития в рамках модели «летающих гусей»; во втором показано применение модели «летающих гусей» в экономической политике стран АСЕАН; в третьем сформулированы достижения и проблемы российской политики импортозамещения.

¹ Заявление президента Российской Федерации от 15.05.2017 г. // Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент). Режим доступа: http://www.rupto.ru/press/news_archive/inform2017/PutinIP (дата обращения: 10.06.2017).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ В РАМКАХ МОДЕЛИ «ЛЕТЯЩИХ ГУСЕЙ»

Догоняющее развитие можно определить как стратегию, призванную преодолеть отставание страны по уровню развития. Как правило, в литературе выделяют импортозамещающую и экспортоориентированную модели догоняющего развития [Мировая экономика 2007: 109—111]. Импортозамещающая модель сложилась в послереволюционной России, позже — в других социалистических государствах, в крупных странах Латинской Америки и Азии (Аргентине, Бразилии, Мексике, Индии, Пакистане). Частично модель применялась многими развитыми странами в период после Великой депрессии. В основе модели лежит протекционизм, часто подкрепленный государственной монополией внешней торговли.

Экспортоориентированная модель предполагает ориентацию создаваемых отраслей преимущественно на внешний рынок, что могло сочетаться с активным привлечением к экспортному производству иностранного капитала. В ряде случаев экспортная ориентация совмещалась с элементами импортозамещающей модели с ограничением доступа конкурирующих товаров и капиталов на внутренний рынок. Подобная модификация модели была применена Японией, затем Южной Кореей, а далее — КНР. В наиболее чистом виде модель использовали те новые индустриальные страны, которые не могли создать многоотраслевой уклад в силу малого масштаба экономики (Сингапур, Гонконг).

Пространственно-временное взаимодействие импортозамещающей и экспортоориентированной стратегий нашло отражение в модели «летающих гусей» (МЛГ). Своим названием модель обязана графическому изображению последовательно формирующихся стадий импорта, внутреннего производства, экспорта некоторого продукта (или шире — продукции некоторого промышленного сектора) в виде U-образных кривых, удаленных друг от друга на определенный временной интервал (см. рис. 1).

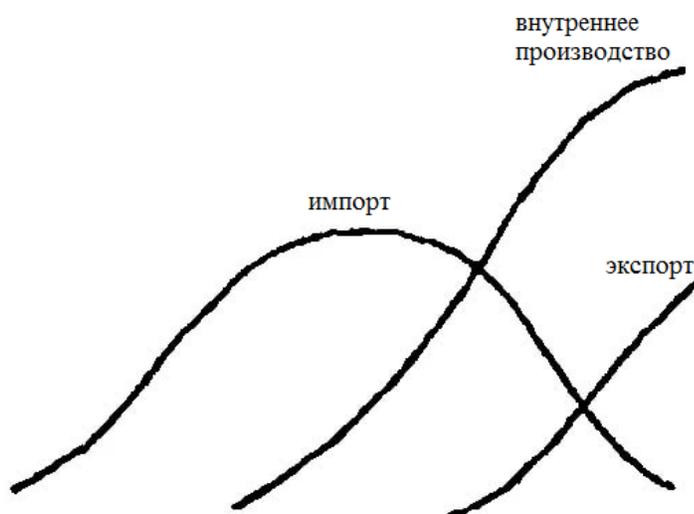

Рис. 1. Модель «летающих гусей» /
Figure 1. Flying geese paradigm

Акамацу разработал стилизованную четырехстадийную модель, показывающую развитие торгового взаимодействия типичной развивающейся страны в ходе «подхвата» индустриализации для товарных групп — «потребительские товары», «инвестиционные товары», «сырье» [Akamatsu 1962: 14—15].

На первом этапе экспорт в основном носит сырьевой характер, импорт представлен товарами потребительского назначения. Этот этап характеризуется необходимостью ввоза потребительских товаров для удовлетворения внутреннего спроса, производство которых внутри страны не ведется. В то же время, поддержание платежного баланса требует осуществления экспорта сырья, как правило, в страны дальнего зарубежья с более высоким уровнем развития для покрытия импортных издержек.

Второй этап характеризуется преобладанием импорта в большей степени инвестиционных и сырьевых, нежели потребительских товаров, а также сырьевого экспорта с некоторым присутствием потребительских товаров. На данном этапе начинает развиваться импортозамещающее производство потребительских товаров, нуждающееся в импортном оборудовании и сырье.

На третьем этапе в экспорте преобладают потребительские товары с некоторым присутствием инвестиционных, а в импорте — инвестиционные товары и сырье. Эта стадия характеризуется возможностью экспорта излишков потребительской продукции, как правило, в соседние страны. Начинается производство инвестиционных товаров.

На четвертом этапе расширяется экспорт инвестиционных товаров, в основном, в развивающиеся страны, а в импорте присутствуют потребительские, инвестиционные и сырьевые товары. Импортозамещающая модель развития трансформируется в экспортно-ориентированную.

Модель иллюстрирует историческое явление «диалектического динамизма», включающего периоды конвергенции сравнительных издержек, обуславливающих торговлю (на стадии «подхвата» индустриализации развивающимися странами), и периоды их дивергенции (по мере разработки развитыми странами инноваций для сохранения лидерских позиций). В 1940-е гг. Акамацу разработал концепцию перемещения промышленных производств в развивающиеся страны в процессе их «подтягивания» к уровню развитых. В целом модель показывает обоюдные преимущества от торгового взаимодействия в ходе промышленного развития. Непотъемлемым условием догоняющего развития становится активная регулирующая роль государства.

Последующее развитие модели связано с теорией жизненного цикла продукта Р. Вернона [Vernon 1966: 190—207], разработанной применительно к условиям функционирования отдельной фирмы, а также рассматривающей прямые зарубежные инвестиции, следующие за стадией экспортной ориентации. В дальнейшем, Коджима [Kojima 2000: 375—401] расширяет предмет теории, объясняя национальное развитие и сопутствующие ему изменения в торговле пропорциями факторов производства в соответствии с теоремой Хекшера-Олина. Центральное место в аргументации Коджимы занимает феномен динамического накопления

капитала, возможного благодаря высокой норме валового сбережения. По мере импорта инвестиционных товаров возрастает капиталовооруженность труда и акцент в производственной системе смещается на производство капиталоемкой продукции.

ОПЫТ СТРАН АСЕАН В РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ

Важнейшим фактором структурной перестройки и индустриализации НИС второй волны (Индонезия, Малайзия, Таиланд) на первых стадиях МЛГ стало проведение активной государственной политики, несмотря на более мягкое регулирование по сравнению с Японией и Южной Кореей.

Промышленная политика включала административное управление и регулирование стратегических отраслей и фирм (*selective industrial policy*). Данные меры были призваны ограничить доступ иностранной конкуренции в отдельные отрасли и включали кредитные, производственные, налоговые, экспортные субсидии, преференциальное лицензирование, международное техническое содействие, обучение персонала [UNCTAD 2009: 151]. Отметим, что защита зарождающихся отраслей сочеталась с жесткими условиями по достижению намеченных параметров по экспорту в течение ограниченного временного интервала.

Торговая политика опиралась на применение импортного тарифа и нетарифных методов регулирования торговли, равно как и на стимулирование экспорта. Тарифные меры были призваны уменьшить давление внешней конкуренции и облегчить импорт инвестиционных товаров. Типичными мерами нетарифного регулирования были запреты на импорт, импортные квоты, лицензирование. В более широком понимании, к нетарифным мерам можно также отнести государственные закупки отечественных товаров и политику установления конкурентоспособных, зачастую заниженных обменных курсов. Предполагалось, что отечественные производители смогут устанавливать более высокие цены на их импортозамещающую продукцию и обеспечить более высокие зарплаты, стимулирующие перемещение рабочей силы в приоритетные отрасли. Стимулирование экспорта подразумевало проведение мероприятий международного маркетинга агентствами по поощрению экспорта (*export promotion agencies*), гарантирование экспорта, менеджмент контроля качества, создание экспортных производственных зон [UNCTAD 2009: 151].

Меры по торговому регулированию, помимо обеспечения индустриализации, преследовали две другие цели: корректировку платежного баланса и увеличение национального дохода. Первая цель достигалась путем сокращения импорта, наращиванием экспорта, либо двумя методами сразу. Реализация второй цели происходила через формирование бюджетных поступлений от импортных, а иногда и экспортных пошлин, что играло существенную роль в условиях ограниченных внутренних источников налоговых поступлений.

Инвестиционная политика включала управление внутренними и иностранными инвестициями с оказанием целевой финансовой помощи определенным отрас-

лям и фирмам. С конца 1980-х происходит создание экспортно-производственных зон (ЭПЗ) с целью интеграции в региональную и глобальную торговые системы. В ЭПЗ иностранным фирмам предоставлялись преференции, например, частичное или полное освобождение от уплаты налога на прибыль корпораций.

Примером обозначенных направлений регулирования может послужить принятие Генерального промышленного плана (The Industrial Master Plan) Малайзии в середине 1980-х, закрепившего инициативы по технологическому усовершенствованию и отечественному происхождению материальных ресурсов стратегических фирм. В Таиланде успешно применялись тарифные методы регулирования торговли для развития определенных секторов. В Индонезии происходило активное государственное регулирование в авиации, автомобильной промышленности, судостроении и сталелитейной промышленности. Широкое распространение в НИС второй волны экспортно-производственных зон не исключало ограничений иностранной конкуренции в приоритетных отраслях. Сингапур, принадлежащий к первой волне НИС, целиком придерживался государственно-управляемой экспортоориентированной экономики.

Обращаясь к современным характеристикам экономического развития стран АСЕАН, отметим, сегодня ПИИ (прямые иностранные инвестиции) в регион Юго-Восточной Азии в среднем увеличиваются незначительно (1% в 2015 г.), при этом низкие объемы ПИИ в более развитые страны региона уравниваются взлетом инвестиций в страны с низким уровнем дохода. Последнее свидетельствует об очередном динамическом сдвиге в рамках МЛГ, когда, по мере роста доходов, получатели инвестиций в более развитых странах теряют свои конкурентные преимущества в издержках производства, особенно в трудоемких отраслях промышленности. Инвестиции в Сингапур, основную страну — реципиент зарубежных инвестиций, экономические успехи которой напрямую были связаны с политикой привлечения инвестиций, сократились на 5%, общий объем инвестиций в новое производство сократился на 4 млрд долл.¹ ПИИ в Индонезию сократились на 29%. В то же время инвестиции в Таиланд возросли в 3 раза, а приток ПИИ в Мьянму увеличился на 200%. Во многом этот скачок связан с подписанием соглашения правительствами Мьянмы и Таиланда о развитии свободной экономической зоны (СЭЗ) Давэй. Создание подобных промышленных зон способствует притоку ПИИ как в инфраструктуру, так и в промышленность [UNCTAD 2016: 46—47].

Сокращение ПИИ в промышленность КНР, несмотря на их общий рост (6%) в 2015 г., связанное с повышением производственных издержек, обусловленных ростом уровня заработной платы, особенно в прибрежных районах, несомненно, открывает новые перспективы для перемещения инвестиций в развивающиеся страны Юго-Восточной Азии с более дешевыми факторами производства. Наблюдаемый сегодня рост ПИИ во Вьетнам обусловлен стремлением ведущих ТНК в сфере электроники расширять производственные мощности в данной стране. Самсунг, крупнейший инвестор во Вьетнам, осуществивший инвестиции в произ-

¹ Сингапур является безусловным лидером стран АСЕАН по объему накопленных прямых инвестиций, выросших с 135 млрд долл. до 257 млрд долл. в 2009—2014 гг.

водственные мощности технопарка Сайгона в размере 1,4 млрд долл. США, объявил о дальнейшем расширении инвестиций. В результате, Самсунг производит во Вьетнаме больше мобильных телефонов, чем в КНР [UNCTAD 2016: 45—47].

Структура внешней торговли АСЕАН в последние десятилетия претерпела изменения, описанные в МЛГ и связанные с ростом экспорта, а также импорта капиталоемкой продукции, а также с усилением внутрирегиональных связей. Сегодня в товарообороте АСЕАН преобладает внутрирегиональная торговля (около 24%), на КНР приходится 15,2%, Японию — 10,5%, ЕС — 10%, США — 9,4%. Товарная структура экспорта и импорта схожи с преобладающим значением позиций «машины и оборудование» (23,6% экспорта, 20,3% импорта), «ядерные реакторы, котлы, механические устройства» (11% экспорта, 11,9% импорта), «минеральные продукты» (10,9% экспорта, 13,1% импорта), «транспортные средства» (3,4% и 3,2% соответственно)¹.

В целом, временные рамки, скорость, последовательность стратегической интеграции в мировую экономику, обеспечивающей продвижение в рамках МЛГ, рассматривались азиатскими государствами с позиций поддержки национальных интересов по обеспечению экономического роста и структурной перестройки. Несмотря на то что многие из перечисленных мер проводились на ранних стадиях «подхвата индустриализации» и со временем были модифицированы или отменены, государство по-прежнему играет существенную роль в экономическом развитии. С исчезновением «преимущества отсталости»² перед государствами встают новые задачи по удержанию достигнутых позиций.

ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Активная фаза политики импортозамещения в России начинается в 2014 г. в ответ на западные санкции, хотя отдельные ее элементы рассматривались и ранее в стратегии перехода к «экономике предложения», ориентированной на внутренний рынок [Акаев 2012: 97—116]. В 2014 г. был разработан ряд законодательных актов, в том числе государственная программа № 328 «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности от 15.04.2014», направленная на развитие процесса локализации и регламентирующая распределение финансовых ресурсов для ускоренного развития промышленности, и «Программа поддержки инвестиционных проектов, реализуемых на территории Российской Федерации на основе проектного финансирования» от 11 октября 2014 г. № 1044, создающая условия для расширения применения компаниями и коммерческими банками механизма проектного финансирования (финансирования инвестиционных проектов, при котором источником обслуживания долговых обязательств являются денежные по-

¹ ASEAN Community in Figures // The ASEAN Secretariat, Jakarta, 2016; ASEAN Yearbook on International Merchandise Trade in Goods // The ASEAN Secretariat, Jakarta, 2016.

² Под «преимуществом отсталости» (the advantage of backwardness) в данном случае понимаются возможности использования уже готовых ноу-хау развитых стран без осуществления затрат на исследования и разработки новых технологий.

токи, генерируемые проектом). Помимо программы импортозамещения в сельском хозяйстве были сформулированы программы импортозамещения в сфере информационных технологий и машиностроения¹.

Рассматриваемые меры привели к определенным результатам. В 2015 г. объем отечественной сельскохозяйственной продукции на внутреннем рынке составил около 88,7%, что стало выше порогового значения (80%), установленного Доктриной продовольственной безопасности, принятой в 2010 г. В январе—апреле 2016 г. экспорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного) в страны дальнего зарубежья составил 3 947 785 тыс. долл., в страны СНГ — 1 162 047 тыс. долл. За тот же период 2017 г. эти цифры возросли до 4 345 066 тыс. долл. и 1 460 013 тыс. долл. соответственно. Импорт продукции рассматриваемой товарной группы также увеличился с 6 544 002 тыс. долл. до 7 251 943 тыс. долл. из стран дальнего зарубежья и с 1 128 643 тыс. долл. до 1 554 849 тыс. долл. из стран СНГ². В то же время следует обратить внимание на отрицательное сальдо как со странами дальнего, так и ближнего зарубежья.

Серьезными проблемами развития аграрно-промышленного комплекса являются следующие: перспектива снижения глобального спроса на сельскохозяйственную продукцию в условиях низких темпов роста мировой экономики; рост оптовых и розничных цен на продукцию пищевой промышленности, связанный с ростом тарифов естественных монополий, ценовой политикой торговых сетей, высокими ставками обслуживания банковских кредитов, таможенными пошлинами на импортируемое оборудование; снижение потребительского спроса, связанное с ухудшением платежеспособности населения; повышение цен российскими сельхозпроизводителями вследствие частичной монополизации в условиях действующих «санкций» и «контрсанкций»; высокая зависимость многих пищевых производств от импортных поставок сырья, оборудования, технологий, упаковочной и полиграфической продукции; сокращение площадей продуктивных сельскохозяйственных угодий; криминализация сельского хозяйства, обусловленная ростом объемов бюджетного финансирования отрасли; низкая заработная плата работников сферы сельского хозяйства, составившая 16 тыс. руб. в месяц на 2016 г. [Таровик 2016: 131—135].

В сфере машиностроения, на фоне общего спада в отрасли в 2016 г., положительная динамика производства была зафиксирована в подотраслях «производство бытовых приборов, не включенных в другие группировки» и «производство медицинских изделий, средств измерений, контроля, управления и испытаний; оптических приборов, фото- и кинооборудования; часов». Самый высокий прирост наблюдался в сельскохозяйственном машиностроении за счет господдержки предприятий подотрасли, фактора импортозамещения, а также улучшения финансового

¹ Официальный сайт импортозамещения в России. Режим доступа: <http://zimport.ru/programma-pravitelstva-po-importozameshheniyu-do-2020-goda> (дата обращения: 10.06.2017).

² Таможенная статистика внешней торговли России // Портал Федеральной таможенной службы. Режим доступа: http://customs.ru/index.php?option=com_newsfts&view=category&id=52&Itemid=1978&limitstart=50 (дата обращения: 10.06.2017).

состояния сельхозпроизводителей. Доля отечественных комбайнов, тракторов, сеялок и прочих сельхозмашин на внутреннем рынке по итогам 2016 г. превышала половину, тогда как иностранные производители контролировали в 2013 г. три четверти рынка. Значительный рост доли отечественных предприятий на внутреннем рынке наблюдается с 2013 г., когда правительством была запущена программа субсидирования производителей техники, в соответствии с которой государство компенсирует от 25 до 30% ее стоимости¹. Согласно проекту стратегии развития экспорта сельхозтехники, разработанного Минпромторгом, экспорт продукции сельхозмашиностроения к 2025 г. может вырасти с господдержкой вчетверо до 30,2 млрд руб.²

В сфере IT-технологий можно отметить наличие крупных российских игроков IT-рынка (Acronis, Veeam, Parallels, Jetbrains, Nginx, 1С, Kaspersky, Abbyu, CFT, Prognoz, Yandex, Mail.Ru, Ecwid, Acumatica, Drweb, Spirit, MightyCall), осуществляющих широкий спектр IT-решений. Кроме того, нельзя отрицать конкурентные преимущества российского программного обеспечения в оборонной и тяжелой промышленности. К новым достижениям можно отнести запуск предсерийного производства первой массовой модели компьютера Эльбрус 101-PC в 2017 г.; расширение сотрудничества «Мечел» и «1С», призванного содействовать импортозамещению в промышленности. Несмотря на перечисленные успехи, зависимость от импортного программного обеспечения в России крайне высока: операционные системы Windows, IOS, Android лишают российские аналоги возможности занять существенную долю рынка³.

Тем не менее, можно выделить ряд факторов, затрудняющих проведение политики импортозамещения и экономическое развитие страны. Прежде всего, наращивание внутреннего производства в России затруднено высокой степенью износа основных фондов, достигавшей в среднем 47,7% , низким коэффициентом их обновления — около 4,5%, низкими расходами на НИОКР — 1,1% ВВП в 2015 г.⁴ В свою очередь, обновление основных фондов напрямую связано с проблемой трансформации сбережений в инвестиции. При наличии на протяжении прошлого десятилетия высокой нормы валового сбережения (31—37%), обусловленной прежде всего хорошей конъюнктурой на рынке энергоносителей, в стране наблюдалась низкая норма валового накопления — чуть выше 20% [Мировая экономика 2007: 792]. Для сравнения, в развивающихся странах Азии значения нормы вало-

¹ Аналитический бюллетень: Машиностроение: тенденции и прогнозы. Итоги 2016 г. Режим доступа: <http://riarating.ru> (дата обращения: 10.06.2017).

² О проекте стратегии развития экспорта сельхозтехники // Портал Российской ассоциации производителей специализированной техники и оборудования. Режим доступа: <http://rosagromash.ru/rosspetsmash-v-smi/1528-strategiya-razvitiya-dlya-selkhozmasinostroeniya> (дата обращения: 20.06.2017).

³ Официальный сайт импортозамещения в России. Режим доступа: <http://zimport.ru/programma-pravitelstva-po-importozameshheniyu-do-2020-goda> (дата обращения: 10.06.2017).

⁴ Эффективность экономики России // Портал Федеральной службы государственной статистики. Росстат. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency (дата обращения: 10.06.2017).

вого сбережения и накопления достаточно близки и в настоящее время превышают 40% по обоим показателям [World Economic Outlook 2016: 255]. Парадоксально, что при острой нехватке инвестиций в отечественном платежном балансе наблюдается устойчивое отрицательное сальдо по счету операций с капиталом.

Отметим, что не следует переоценивать роль прямых иностранных инвестиций в процессе капиталообразования, так как последние, как правило, составляют малую долю валового накопления в крупных странах. Кроме того, этот источник инвестиций весьма чувствителен к ухудшению экономической и геополитической обстановки, что подтверждается оттоком прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из России в последние годы. По данным отчета «World Investment Report» (2016 г.), в 2015 г. ПИИ в Россию сократились на 66% и в основном были представлены реинвестированием прибыли, тогда как другие их формы фактически не осуществлялись. Крупные ТНК, особенно в промышленности (General Motors) и банковской сфере (Deutsche Bank, Raiffeisen Bank) сократили свое присутствие. В 2015 г. ConocoPhillips, одна из первых начавшая инвестирование в нефтегазовую отрасль России, полностью изъяла свои вложения из страны. Законодательное ограничение присутствия ПИИ во всех СМИ в размере 20% также привело к масштабному изъятию инвестиций. Произошло резкое сокращение инвестиционных потоков, проходящих через оффшорные зоны: накопленные инвестиции из Кипра — основного инвестора в Россию и получателя отечественных инвестиций, сократились на 50%. Намечился перелив оффшорных инвестиций в третьи страны, что можно проследить на примере резкого сокращения инвестиций Британских Виргинских островов [UNCTAD 2016: 59—60].

Следующим фактором, тормозящим инвестиционные процессы в России, является несбалансированность монетарной политики. Низкое значение коэффициента монетизации (отношение агрегата М2 к ВВП), составившее в 2016 г. 44,5%, обусловленное политикой сдерживания инфляции, привело к ограничению кредитных ресурсов экономики и способствовало формированию завышенной ключевой ставки. В настоящее время, несмотря на ее снижение до 9% с 19.06.2017 г.¹, ставка значительно превышает аналогичный показатель ведущих зарубежных стран [Кротов, Мунтиян 2015: 17—26]. На протяжении прошлого десятилетия средняя рентабельность в промышленности (11,8%) была ниже среднего значения ставки рефинансирования (12%), что привело к нецелесообразности привлечения отечественных кредитных средств для инвестирования в основные фонды и обращению фирм к зарубежным кредитным источникам [Мировая экономика 2007: 794]. Наконец, ослабление курса рубля стало еще одной причиной, осложняющей ситуацию с развитием промышленности, поскольку импортные машины и оборудование, необходимые для реновации основных фондов, стали относительно более дорогими. Преимущества для российских экспортеров в связи с девальвацией руб-

¹ Банк России принял решение снизить ключевую ставку до 9,00% годовых // Портал Центрального банка Российской Федерации. Режим доступа: http://cbr.ru/press/pr.aspx?file=16062017_133001keyrate2017-06-16T13_21_27.htm (дата обращения: 20.06.2017).

ля были распределены между узким кругом отраслей (топливно-энергетический комплекс, металлургия), и в значительной мере нивелированы снижением мировых цен на сырье.

Сдерживание роста денежной массы, высокая ставка рефинансирования, слабый рубль, урезание госрасходов и совокупного спроса являются приоритетами неолиберальной доктрины, отвечающей рекомендациям международных финансовых организаций по рыночной трансформации экономики. Отметим, что руководства стран Юго-Восточной Азии отнеслись к подобным инструкциям в 1997 г. достаточно критически. Многие исследователи отметили, что именно этот факт стал причиной достаточно быстрого восстановления экономик стран региона (за исключением Индонезии).

Современная внешняя торговля России характеризуется сырьевой направленностью экспорта и промышленной — импорта, а также перекосом в географии внешней торговли в пользу стран дальнего зарубежья. Анализ статистики внешней торговли России показывает тенденцию сокращения товарооборота с 2013 по 2016 г.¹ В начале 2017 г. наблюдалась положительная динамика: внешнеторговый оборот увеличился на 32% по сравнению с 2016 г.²

В январе—марте 2017 г. 80,9% стоимостного объема российского экспорта приходилось на топливно-энергетические товары, металлы и изделия из них, продукцию химической промышленности и каучук. За рассматриваемый период в структуре экспорта увеличился удельный вес топливно-энергетических товаров, металлов и изделий из них, снизилась доля продукции химической промышленности и каучука, машин, оборудования и транспортных средств, продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья, древесины и целлюлозно-бумажных изделий. По сравнению с предыдущим годом, экспорт топливно-энергетических товаров увеличился на 48,2% до 53,4 млрд долл. США, вместе с тем доля данной товарной группы выросла на 5,4 процентных пункта до 64,1%. Положительная динамика обусловлена как увеличением средних контрактных цен, так и физических объемов поставок природного газа и нефтепродуктов. Доля высокотехнологичной продукции в товарной структуре экспорта России сегодня не превышает 3% [Kuhrt, Feklyunina 2017: 21—25].

В товарной структуре российского импорта преобладают машины, оборудование и транспортные средства, продукция химической промышленности и каучук, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (77,8% в январе—марте 2017 г.). В первые месяцы 2017 г. происходило увеличение удельного веса машин, оборудования и транспортных средств, металлов и изделий из них, уменьшение доли продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья, древеси-

¹ Таможенная статистика внешней торговли // Портал Федеральной таможенной службы. Режим доступа: http://www.customs.ru/index.php?option=com_newsfts&view=category&id=53&Itemid=1981 (дата обращения: 10.06.2017).

² Статистика внешней торговли России // Портал внешнеэкономической информации. Режим доступа: http://www.ved.gov.ru/monitoring/foreign_trade_statistics/monthly_trade_russia (дата обращения: 20.06.2017).

ны и целлюлозно-бумажной продукции, текстиля, изделий из него и обуви; топливно-энергетических товаров по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года.

В географической структуре внешней торговли России особое место занимает Европейский союз (ЕС), доля которого в товарообороте в январе—марте 2017 г. составила 45,3%. На втором месте — страны Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) с удельным весом 29,7%. Товарооборот со странами СНГ составляет 11,8%. Крупнейшим внешнеторговым партнером России является Китай (14,3% торгового оборота). В целом страны дальнего зарубежья являются главными торговыми партнерами России. В январе—марте 2017 г. их доля в товарообороте составила 88,2%, в экспорте — 88,0%, в импорте — 88,5%¹.

Относительно «разворота на Восток» отметим, что в январе—апреле 2017 г. оборот торговли с Китаем вырос на 37% в сравнении с этим же периодом 2016 г., с Кореей — на 36%, с Японией — на 6%, с Монголией — на 31%. Однако объемы торговли не достигают показателей 2014 г. и даже 2013 г. Так, торговый оборот с Китаем в январе—апреле 2017 г. на 14% ниже этого показателя в 2013 г., с Кореей — на 29%, с Японией — на 52%, с Монголией — на 77%. Доля рассматриваемых стран в структуре внешней торговли России за 4 года выросла с 17,8% до 20,9%, что связано с падением объемов торговли с западными странами². Сложности «переориентации на Восток» во многом обусловлены неэффективной товарной структурой российского экспорта.

Анализ теоретических и практических аспектов МЛГ применительно к современным российским условиям позволяет сделать следующие выводы. Осуществление политики импортозамещения, проводимой в последние годы в России, делает возможным построение аналогий со второй ступенью МЛГ. Важнейшим фактором успешного развития стран АСЕАН в рамках МЛГ стало проведение на начальных ступенях догоняющего развития промышленной, торговой, инвестиционной политики, направленной на защиту отечественного производства и развитие экспорта. Несмотря на применение ряда аналогичных мер в ходе реализации российской политики импортозамещения (отметим, в частности, программу субсидирования производителей сельскохозяйственной техники), факторами, сдерживающими экономическое развитие, стали низкая норма валового накопления, большой износ основных фондов, отток капитала из страны, недостаточная монетизация экономики, высокие ставки по кредитам, девальвация национальной валюты, перекосы в товарной и географической структуре внешней торговли. Результаты применения импортозамещения в России пока носят фрагментарный характер.

¹ Статистика внешней торговли России // Портал внешнеэкономической информации. Режим доступа: http://www.ved.gov.ru/monitoring/foreign_trade_statistics/monthly_trade_russia (дата обращения: 20.06.2017).

² Россия: экономический разворот на Восток оказался фикцией // geo-politica.info. Режим доступа: <http://geo-politica.info/rossiya-ekonomicheskij-razvorot-na-vostok-okazalsya-fiktsiy.html> (дата обращения: 20.06.2017).

Сложившиеся экономические проблемы, скорее всего, могут быть решены путем следования принципам кейнсианского макрорегулирования со стимулированием совокупного спроса, даже при дефиците бюджета. Особое значение в данных условиях приобретает увеличение агрегата «чистый экспорт» прежде всего за счет развития его наиболее перспективных форм. На состоявшемся в июле 2017 г. бизнес-форуме «Как преодолеть барьеры и реализовать экспортный потенциал импортозамещающей продукции», в котором приняли участие представители федеральных органов исполнительной власти и компаний-экспортеров, заместитель руководителя Федеральной таможенной службы России Т. Голендеева акцентировала внимание на том, что поддержка экспорта — одно из приоритетных направлений деятельности таможенных органов¹.

Существенное значение при проведении аналогий с МЛГ представляет фактор крупного масштаба и пространственной неоднородности экономики России [Межевич, Шалденкова 2016: 216—219]. Сочетая гипериндустриальные, индустриальные и доиндустриальные районы [Артоболевский, Бакланов, Трейвиш 2009: 103—108], территория России представляет потенциальную площадку для реализации отдельных элементов МЛГ внутри одной страны путем переноса экономической деятельности предыдущего цикла на менее развитые территориальные единицы. С другой стороны, невозможные для применения на территории всей страны меры внешнеэкономической политики вполне могут быть реализованы в отдельных регионах. Примером может служить создание специальных экономических зон как территорий «локальной открытости» экономики, широко применяемое в странах АСЕАН.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Акаев А.* О стратегии интегрированной модернизации экономики России до 2025 года // Вопросы экономики. 2012. № 4. С. 97—116.
- Артоболевский С.С., Бакланов П.Я., Трейвиш А.И.* Пространство и развитие России: полимасштабный анализ // Вестник РАН. 2009. Т. 79. № 2. С. 101—123.
- Воронцовский А.В., Ефимова Е.Г.* Крупные открытые экономики: типологизация и проблемы анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5: Экономика. 2016. № 2. С. 27—51.
- Кротов М.И., Мунтиян В.И.* Об антикризисной монетарной стратегии экономического развития России // Проблемы современной экономики. 2015. № 3. С. 131—144.
- Межевич Н.М., Шалденкова Т.Ю.* Межтерриториальные связи в формировании экономического пространства Европы: вопросы теории и практики. СПб.: Академия исследования культуры. Серия «Университетская наука», 2016.
- Мировая экономика: Учебник / Под ред. А.С. Булатова. М.: Юрист, 2007.
- Таровик Е.В.* Актуальные проблемы развития сельского хозяйства России. Актуальные проблемы обеспечения экономической безопасности: Сб. науч. тр. М.: Научный консультант, 2016. С. 131—135.
- Трокурлова И.С.* Новая стадия в «догоняющем» развитии (на примере стран — членов АТЭС) // Экономический журнал. 2004. № 7. С. 149—172.

¹ О поддержке экспорта. Портал федеральной таможенной службы. Режим доступа: http://customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=25467:2017-07-06-10-05-28&catid=40:2011-01-24-15-02-45&Itemid=2094&Itemid=1835администрирования и «Поддержка доступа на рынки» (дата обращения: 10.07.2017).

- Шалденкова Т.Ю.* Пространственная организация регионального интеграционного комплекса ЕС. СПб: РГГМУ, 2007.
- Akamatsu K.* A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries // *Journal of Developing Economies*. 1962. Vol. 1. N 1. P. 3—25.
- Assessing Russia's Power: A Report. King's College London and Newcastle University. Ed. by N. Kuhrt, V. Feklyunina, 2017.
- Burkett P., Hart-Landsberg M.* Alternative perspectives on late industrialization in East Asia: A critical survey Review of Radical Political Economics. 2000. Vol. 32. № 2. P. 222—264.
- Kasahara S.* The Asian developmental state and the Flying Geese paradigm // UNCTAD. 2013. № 3. P. 1—30.
- Kojima K.* The Flying Geese Model of Asian Economic Development: Origin, theoretical extensions, and regional policy implications // *Journal of Asian Economics*. 2000. Vol. 11. № 4. P. 375—401.
- Ozawa T.* The Rise of Asia: The flying-geese theory of tandem growth and regional Agglomeration. Cheltenham, UK, and Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2009.
- Terry E.* An East Asian Paradigm // *Atlantic Economic Journal*. 1996. Vol. 24. № 3. P. 183—198.
- UNCTAD. The Least Developed Countries Report 2009: The States and development governance. New York and Geneva: United Nations, 2009.
- UNCTAD. World Investment Report. Investor nationality: the policy challenges. New York and Geneva: United Nations, 2016.
- Vernon R.* International Investment and International Trade in the Product Cycles. *Quarterly Journal of Economics*. 1966. Vol. 80. № 2. P. 190—207.
- World Economic Outlook. Subdued Demand: Symptoms and Remedies. Washington: IMF, 2016.

Дата поступления статьи: 14.06.2017

Для цитирования: Шалденкова Т.Ю. Догоняющее развитие: опыт стран АСЕАН и российская политика импортозамещения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 539—554. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-539-554.

Сведения об авторе: Шалденкова Татьяна Юрьевна — канд. экон. наук, доцент кафедры «Европейские исследования» факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: t_shaldenkova80@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-539-554

THE CATCHING-UP DEVELOPMENT: THE ASEAN EXPERIENCE AND IMPORT SUBSTITUTION POLICY OF RUSSIA

T.Y. Shaldenkova

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

Abstract. The experience of catching-up development of ASEAN countries becomes valuable in the conditions of the Russian of import substitution policy and “turn to the East” in geopolitics. The objective of the paper is revealing the prospects of native catching-up development based on the analysis of theoretical aspects of the model of “flying geese” and their practical application in the ASEAN countries and Russia.

The paper presents the theoretical foundations of catching-up development in the framework of the Flying Geese paradigm in the works of K. Akamatsu, R. Vernon, K. Kojima and indicates its main stages.

The author reviews the measures of industrial, trade and investment policy of the ASEAN countries on the initial stages of the model and the modern aspects of their economic development. The materials of statistical reports of IMF, UNCTAD, ASEAN, the statistical data of Federal state statistics department of Russia, Federal customs department of Russia, the programs of the Russian Government in the field of import substitution are studied.

The achievements and problems of implementing the programs of import substitution in agriculture, industry, IT-technologies in Russia were analyzed. The study showed the factors, hindering the domestic development in the framework of the Flying Geese paradigm. The recommendations for solving existing problems include the stimulation of aggregate demand and the development of high-tech exports. Special attention was drawn to the possibilities of applying selected elements of the model in terms of territorial heterogeneity of Russia.

Key words: catching-up development, The Flying Geese paradigm, ASEAN, import substitution, economy of Russia

REFERENCES

- Akaev, A. (2012). About the strategy of integrated modernization of the Russian economy till 2025. *Voprosy ekonomiki*, 4, 97—116. (in Russ.).
- Akamatsu, K. (1962). A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries. *Journal of Developing Economies*, (1), 3—25.
- Artobolevskii, S.S., Baklanov, P.Ya. & Trevish, A.I. (2009). Space and development of Russia: a multiscale analysis. *Vestnik RAN*, 79 (2), 101—123. (in Russ.).
- Bulatov, A.S. (Eds.) (2007). *World economy: textbook*. Moscow: Yurist. (in Russ.).
- Burkett, P. & Hart-Landsberg, M. (2000). Alternative perspectives on late industrialization in East Asia: A critical survey. *Review of Radical Political Economics*, 32 (2), 222—264.
- Kasahara, S. (2013). The Asian developmental state and the Flying Geese paradigm. *UNCTAD*, 3, 1—30.
- Kojima, K. (2000). The Flying Geese Model of Asian Economic Development: Origin, theoretical extensions, and regional policy implications. *Journal of Asian Economics*, 11 (4), 375—401.
- Krotov, M.I. & Muntiyani, V.I. (2015). About the anti-crisis monetary strategy of the economic development of Russia. *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 3, 131—144. (in Russ.).
- Kuhrt, N. & Feklyunina, V. (Eds.). (2017). *Assessing Russia's Power: A Report* (King's College London and Newcastle University).
- Mezhevich, N.M. & Shaldenkova, T.Y. (2016). *Interterritorial relations in the formation of the economic space of Europe: issues of theory and practice*. Saint Petersburg: Akademiya issledovaniya kul'tury. Seriya «Universitetskaya nauka». (in Russ.).
- Ozawa, T. (2009). *The Rise of Asia: The flying-geese theory of tandem growth and regional Agglomeration*. Cheltenham, UK, and Northampton, MA, USA: Edward Elgar.
- Shaldenkova, T.Y. (2007). *Spatial organization of the EU regional integration complex*. Saint Petersburg: RGGMU. (in Russ.).
- Tarovik, E.V. (2016). Actual problems of the development of agriculture in Russia. *Aktual'nye problemy obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti (sbornik nauchnykh trudov)*. Moscow: Nauchnyj konsul'tant, 131—135. (in Russ.).
- Terry, E. (1996). An East Asian Paradigm. *Atlantic Economic Journal*, 24 (3), 183—198.
- The Least Developed Countries Report 2009: The States and development governance*. UNCTAD. (2009). New York and Geneva: United Nations.
- Troekurova, I.S. (2004). A new stage in the “catch-up” development (on the example of the APEC member countries). *Ekonomicheskii zhurnal*, 7, 149—172. (in Russ.).
- Vernon, R. (1966). International Investment and International Trade in the Product Cycles. *Quarterly Journal of Economics*, 80 (2), 190—207.
- Vorontsovskii, A.V. & Efimova, E.G. (2016). Large open economies: typology and analysis problems. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 5: Ekonomika*, 2, 27—51. (in Russ.).

World Economic Outlook (2016). *Subdued Demand: Symptoms and Remedies*. Washington D.C.: IMF.

World Investment Report. Investor nationality: the policy challenges. UNCTAD (2016). New York and Geneva: United Nations.

Received: 14.06.2017

For citation: Shaldenkova, T.Y. (2017). The catching-up development: the ASEAN experience and import substitution policy of Russia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (3), 539—554. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-539-554.

About the author: *Shaldenkova Tatiana Yurievna* — PhD in Economics, Associate Professor of the Department of European Studies of the Faculty of International Relations of Saint-Petersburg State University (e-mail: t_shaldenkova80@mail.ru).

© Шалденкова Т.Ю., 2017